

Наньгун Сюэ была действительно красивой, и, когда она появилась, весь Дворец Чанлэ словно осветился. Ее вызвали, и она послушно встала за спиной принца. Цзян Сяомань, сидя напротив них, увидел, как красиво они смотрятся вместе — мужчина и женщина, — и снова почувствовал, что попал в точку.

Хотя главный герой был язвительным, а героиня — капризной, но их красота затмевала все недостатки.

Цзян Сяомань немного завидовал.

Принц, видя, как Цзян Сяомань глупо улыбается и пристально смотрит на служанку за его спиной, почувствовал еще большее отвращение.

«Какой же он бессмертный, если так открыто проявляет свои похотливые наклонности? Смешно!»

Он изначально считал этого человека обманщиком, но, по крайней мере, его внешность была миловидной, и он хотел немного поразвлечься, а затем выгнать из дворца. Но больше всего он ненавидел похотливых людей, и, думая о грязных мыслях этого человека, он почувствовал желание убить его.

— Бессмертный, вы женаты?

Принц внезапно задал этот вопрос, и Цзян Сяомань не понял, к чему это.

Но, присмотревшись, он заметил, что брови принца слегка нахмурились, и в его голосе чувствовалось напряжение.

Умный, как Цзян Сяомань, он сразу понял. Принц влюбился в Наньгун Сюэ, но, поскольку она была всего лишь служанкой, он не знал, стоит ли делать шаг, и начал сомневаться.

«Как может властный хромой мучиться из-за таких вещей? Цзян Сяомань не мог этого допустить».

— Я человек, посвятивший себя практике, и поэтому не поддаюсь мирским желаниям, — медленно произнес Цзян Сяомань, затем изменил тему. — Но как обычный человек, если ты встречаешь свою судьбу, ни в коем случае не отказывайся от нее.

Сказав это, он посмотрел на Наньгун Сюэ, затем на принца, давая ему понять, что он все понял. Хотя он и говорил, что в будущем появится женщина, связанная с ним судьбой, он не хотел говорить слишком прямо, лишь намекая, чтобы они начали развивать отношения.

Но принц, видя, как Цзян Сяомань снова смотрит на Наньгун Сюэ, почувствовал приступ гнева.

Он обычно был язвительным, но редко показывал свои эмоции, однако на этот раз не смог сдержаться:

— Правда? Тогда, по мнению бессмертного, как определить, что человек действительно связан с тобой судьбой?

Цзян Сяомань никогда не был свиньей, но он выращивал свиней; он никогда не был в отношениях, но видел, как другие влюбляются. Он поправил свое даосское облачение, слегка наклонился к принцу:

— Судьба — это то, что никто не может понять, кроме тех, кто постиг тайны небес. Но если ты замечаешь, что твои глаза не могут оторваться от нее, то, вероятно, она и есть твоя судьба.

Сказав это, он тоже посмотрел на Наньгун Сюэ, давая ей понять, что это относится и к ней.

«Если когда-нибудь твои глаза не смогут оторваться от этого хромого, значит, у вас есть судьба».

Почувствовав, что атмосфера стала странной, Наньгун Сюэ:

— ?

Увидевший, как Цзян Сяомань снова смотрит на Наньгун Сюэ, принц:

—

— В этом мире нет никакой любви. Все это лишь слова, — сказал принц. — Какая там судьба? Все просто используют друг друга.

Тон принца был резким, и Цзян Сяомань не понимал, что он сказал не так.

«Может, предложить принцу молочную карамель? Но нет, кто захочет есть стариковскую карамель».

Цзян Сяомань поспешно поманил Наньгун Сюэ, чтобы она налила чаю, надеясь, что вид героини улучшит настроение принца.

Наньгун Сюэ пришла во дворец, чтобы украсть королевские сокровища, и не ожидала, что ей придется наливать чай. Подойдя и увидев недовольное лицо принца, она подумала: «Что за высокомерие, напротив».

А принц, увидев эту служанку, чья красота могла покорить целые государства, но с легким недовольством на лице, вспомнил лицо человека, которого он ненавидел, и стал еще более раздраженным.

Они оба испытывали неприязнь друг к другу, и вдруг принц резко отдернул руку — Наньгун Сюэ случайно пролила чай на него.

Чай не был горячим, но это стало искрой, разжегшей огонь. Принц ударил по столу:

— Убирайтесь!

— Эй! Осторожно! Вы не обожглись? — Цзян Сяомань не понимал, что происходит, и боялся, что принц обжегся.

Но принц, услышав это, подумал, что вопрос был о Наньгун Сюэ, и его гнев вспыхнул еще сильнее.

Принц попытался встать, опираясь на стол, но его ноги подвели, и, когда он поднимался, Наньгун Сюэ собиралась убежать. Они столкнулись, и с громким «бум» оба упали на пол.

«Так они и столкнулись? В оригинале их первая встреча была такой? Но почему они оба выглядят так, будто хотят убить друг друга?»

— Подожди, куда ты?

— Ваше высочество не велело ли убираться? Вот я и убираюсь!

Наньгун Сюэ вскочила на ноги, сердито поправила растрепанные волосы и одежду и ушла.

Цзян Сяомань, видя, что героиня убежала, а главный герой все еще на полу, почувствовал панику.

«Сценарий, кажется, пошел не так».

— Ваше высочество! — Тун Гуан, услышав шум, поспешил помочь принцу.

Цзян Сяомань, увидев, как Тун Гуан пытается поднять принца, крикнул:

— Подожди! Не двигай его!

Цзян Сяомань забыл о своем статусе бессмертного, встал на колени перед принцем и начал проверять, не получил ли тот травмы.

— Не трогай меня!

— Не волнуйтесь, я проверю.

Принц все еще был в ярости, но падение было сильным, и Цзян Сяомань боялся, что могло что-то повредиться. Убедившись, что все в порядке, он осторожно помог принцу подняться.

— Бессмертный, позвольте мне, — Тун Гуан, видя, что Цзян Сяомань собирается сам помочь, поспешил вперед. — Этот бессмертный, хотя и выглядит молодым, по слухам, восьмидесятилетний старец. Если он попытается поднять принца, кто кого вынесет — еще вопрос.

Однако Цзян Сяомань остановил его, сам взял принца под руки, молча поднял его с земли, затем развернулся и легко усадил обратно на стул.

Увидевший что-то невероятное Тун Гуан:

— ?

Перемещенный человеком на голову ниже его и якобы восьмидесятилетним принц:

— ???

— Нужно быть осторожным. Если просто тащить его, ему будет больно, — сказал Цзян Сяомань.

Цзян Сяомань вырос в деревне, где было много пожилых людей, и ему часто приходилось помогать им. Чтобы научиться этому, он даже изучал специальную литературу и понял, что уход за больными — это целая наука. Если делать это правильно, можно поднять человека тяжелее себя; но если делать неправильно, не только не поднимешь, но и причинишь боль.

Он видел, что принц с трудом передвигается, и, будучи язвительным человеком, вероятно, скрывал боль из гордости. Ему стало жалко принца.

Но, закончив, он вдруг вспомнил, что его действия были слишком героическими.

Оглянувшись, он увидел, что Тун Гуан смотрит на него с недоумением, а лицо принца выражало смесь эмоций, и было непонятно, о чем он думает.

Трое молчали.

Цзян Сяомань, видя, что все молчат, почувствовал неловкость и незаметно достал свою последнюю молочную карамель, сунул ее в руку принца:

— Может... съешьте пилюлю бессмертия.

Цзян Сяомань сам не знал, что говорит, и поспешно нашел повод уйти.

После его ухода во Дворце Чанлэ остались только хозяин и слуга.

— Ваше высочество, с вами все в порядке? — спросил Тун Гуан с беспокойством.

— Что может быть не так? — Принц, который еще недавно с трудом поднимался, теперь легко встал и подошел к кровати. — Я устал, иди.

Жун Тин полулежал на кровати, держа в руках так называемую «пилюлю бессмертия».

Он смотрел на нее при свете свечи, и пилюля испускала сладкий молочный аромат.

«Какая школа алхимии могла создать такую сладкую пилюлю?»

Он положил ее в рот, и сладкий молочный вкус мгновенно распространился.

Этот вкус напомнил ему момент, когда бессмертный крепко обнял его и с беспокойством смотрел на него. Тогда он почувствовал сладкий и теплый аромат.

«Ладно, пока не буду его убивать».

Цзян Сяомань вернулся в Башню, достигающую небес, и, вспоминая, что он сделал с принцем, а также его убийственный взгляд, предположил, что его могут казнить.

Однако он пробыл в Башне два дня, и принц не пришел за ним. Вместо этого первой его вызвала императрица.

В романе императрица тоже вызывала Наньгун Сюэ, когда та уже успела рассердить принцессу Юньмэн из-за кошки. Императрица хотела проучить свою любимую племянницу и пригласила Наньгун Сюэ, чтобы сломить ее дух.

Но Наньгун Сюэ, как главная героиня, справилась с этим, не только не пострадала, но и унизила императрицу. Более того, она завоевала расположение сына императрицы, третьего принца Жун Чжэ, став его первым воздыхателем.